

DOI: 10.25587/SVFU.2016.2.10874

УДК: 398.22(=512.141)+398.22(=512.154)

А. М. Сулейманов

КЫРГЫЗСКИЙ ДАСТАН «МАНАС» И БАШКИРСКИЙ ЭПОС КАК ЧАСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

Фольклористы редко обращаются к инонациональным материалам при исследовании даже общих с другими народами фольклорных явлений. Статья написана с учетом этого пробела, чем и определяется ее актуальность.

Целью статьи является привлечение внимания исследователей на актуальность сопоставительного изучения башкирского эпоса с кыргызским в контексте художественных универсалий, как части универсалий культуры.

Для достижения поставленной цели ставятся задачи, во-первых, обосновать исторические контакты башкир и кыргызов, носителей национального эпоса, во-вторых, применяя принцип художественных универсалий, выявить сходства эпосов двух народов на уровне тематических мотивов. Так, в статье, в частности, обосновывается историческая связь башкир и кыргызов, живших в верховьях рек Иртыша и Или, о чем свидетельствуют сохранившиеся топонимы «Степь башкирская» и «Башкирские земли». На этой же кыргызской земле родился великий Манас, герой одноименного народного эпоса. Данный эпос, как элемент универсалий художественной словесности, имеет ряд сходств с многими мотивами башкирских эпических памятников. Автор статьи в этой связи усматривает такие традиционные мотивы как «чудесное рождение героя-богатыря», «предзнаменования и сообщения вестником о рождении сына-богатыря», «героическое детство», «мать скрывает личность дорогого героя человека, невесты либо отца» и т. д.

Ввиду ограниченности объема статьи, автор выражает уверенность в том, что с привлечением к исследованию более широкого круга фактического материала, возможно проведение достаточно обширного и интересного исследования, что, в свою очередь, говорит о перспективности темы.

Ключевые слова: кыргызский эпос, повесть Т. Беляева, родственные племена, заветы героев эпосов «Урал-батыр» и «Манас», мотивы, художественные универсалии, историческая связь башкир и кыргызов, сходства эпосов, рождение героя, предсказание.

A. M. Suleymanov

Kyrgyz dastan “Manas” and the Bashkir epic as part of art universals

Folklorists rarely appeal to another nation's materials in the study of even common with other peoples folklore phenomena. The article was written in recognition of this gap so it determines its relevance.

The purpose of the article is to attract attention of researchers to the relevance of comparative study of the Bashkir epos with Kyrgyz in the context of artistic universals as part of the cultural universals.

For this purpose, the following specific objectives have been: first to substantiate historical contacts of the national epic carriers (Bashkirs and Kyrgyz), second to identify commons of two epics applying the principle of artistic universals on the thematic motifs level. In particular, the article reveals historical contacts of two nations who lived in the upper reaches of Irtysh and Il that may be evidenced by toponyms “The Bashkir's Steppe” and “The Bashkir's Land”. Great eponymous hero of the Kyrgyz national epos – Manas was born on that land. This epic as an element of universals of the language arts has a number of similarities with many motifs of the Bashkir epic monuments. The author in this regard sees such traditional motifs as “wonderful birth of a bogatyr”, “omen and message about birth of a hero-bogatyr”, “heroic childhood”, “a mother hides dear man from the hero” and etc.

СУЛЕЙМАНОВ Ахмет Мухаметвалеевич – д. филол. н., проф., кафедра башкирской литературы и культуры Факультета башкирской филологии ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы».

E-mail: 2733544@mail.ru

SULEYMANOV Akhmet Mukhametvalievich – Doctor of Philological Sciences, Professor, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, the Faculty of Bashkir Philology, Department of Bashkir literature and culture.

E-mail: 2733544@mail.ru

Owing to the limited scope of the article, the author is confident about assistance in the investigation of a wide range of factual material. It is possible to hold a sufficiently large and interesting study that tells about prospects of the topic.

Keywords: Kyrgyz epic, the T. Belyaev's story, kindred tribes covenants, heroes epics "Ural-Batyr" and "Manas", motifs, artistic universals, historical contacts of Bashkir and Kirgыз, similarities of epos, birth of a hero, prediction.

Введение

Исторически известно, что после смерти Карахана калмыцкий хан Алооке нещадно грабил его подданных кыргызов, вынудив их переселиться на Алтай. Алтай в верховье реки Иртыш считается также прародиной ряда башкирских племен. Об этом свидетельствует местная топонимика и карта XI в., составленная Махмудом Кашгари. «Два притока верхнего носят названия Большая (Оло) и Малая (Кесе) Башкорт. На карте М. Кашгари башкиры расселены в междуречье верховьев Иртыша и Или (или Ишима), в этнографических источниках обозначенное как «Степи башкир», «Башкуртские земли». Древний исследователь так и говорит: «Древние башкиры долгое время кочевали между Иртышом и Аральским морем» [1, с. 137-138]. В то время как в башкирской народной песне «Урал», признанной национальным гимном, есть такие слова:

От Аральского моря до Алтайских гор
Простираются степи башкир.
Песен у тебя много, мелодий много,
Пой же, пой, дитя башкурта. (Подстрочный перевод – А. С.).

Одна из версий башкирского эпоса «Кузыйкурпач и Маянхылу» в литературной обработке на русском языке Т. С. Беляева «Башкирская повесть»¹ начинается так: «При вершинах реки Иртыш жил почтеннейший в роде башкирском муж, именовавшийся Карабаем», который «собралшись с жителями своего *коша* (аула, стана – А. С.), ездил в *степь кыргызскую* ловить и бить зверей» [2, с. 267]. Там он и встречается с кыргызским батыром Сарабаем, который, услышав о поединке смелого башкира со степным арасланом и его победе, «более всех желал увидеть и с ним познакомиться». Два батыра в знак знакомства и дружбы дарят друг другу по два аргамака. А после того, как Карабай спас Сарабая от свирепого тигра, они клятвенно заверяют друг друга, что в будущем обязательно породнятся через бракосочетание своих еще не родившихся детей (жены героев на тот момент были беременны) [2, с. 269-273].

Географическое месторасположение аулов-деревень Карабай-батыра и Сарабай-батыра в верховьях Иртыша связаны с именем главного героя эпоса «Манас», о чем писал еще Ч. Ч. Валиханов: «Кыргызы говорят, что город Манас около Урумчи и урочище того же имени на верхнем Иртыше получили свое название от имени этого героя» [3, с. 40], что подтверждается материалами археологической экспедиции под руководством Ю. С. Худякова.

Более того, «страна кыргызов» упоминается также и в опубликованной в 1910 г. башкирским народным поэтом Мажитом Гафури версии эпоса «Заятуляк и Хыу-хылу»: «В давние-предавние времена в *стране кыргызов* в юрте Унсан-Уймат был один хан по имени Хары-Мыркыс» [4, с. 165]. Его младший сын Заятуляк, самый удачливый среди завистливых братьев, убегает от них на своем тулпаре, только на восьмой день достигает Балкантау – гору, находящуюся на территории нынешнего Давлекановского района Республики Башкортостан. Если учесть, что эпический герой оседлал не обыкновенного коня, а крылатого, то нетрудно догадаться о значительности расстояния и затраченного времени: этим сказители хотели подчеркнуть, насколько далеко находился юрт Унсан-Уймат от горы Балкантау. Башкирский эпосовед А. Н. Киреев предполагал, что под «страной киргизов Унсан-Уймат» сказители, возможно, имели в виду одну из этнических групп башкир, обитавших в нижнем течении р. Агидель и имевших самоназвание «кыргызы», «которые пока не нашли своего описания в этнографической литературе» [5, с. 104]. Однако топоним «Унсан-Уймат» не обнаружен на территории ни современного, ни исторического Башкортостана. Это, возможно, было связано с тем, что «как

¹ Полное название произведения: «Куз-Курпач, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курай-чем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года» (Казань, 1812).

и Золотая орда, Ногайское ханство еще при Эдиге (по-нашему, Идукай. – А. С.) было разделено на военно-административные округа (улусы), во главе которых стояли правители-мурзы. Отдельные крупные мурзы имели даже по несколько округов. В случае войн эти улусы должны были выставить как минимум по 10 тыс. (по-ногайски, *сан* или *туман*) конных воинов. Именно поэтому основные земли восточных ногайцев, расположенные между Волгой и Иртышом (в т. ч. между Асылыкулем и Балкантау – А. С.) и составившие ядро Ногайской орды, у самих ногайцев назывались «*Он сан ногай*» (ногайцы десяти санов) [6, с. 36]. Таким образом, под «страной кыргызов Унсан-Уймат» сказители подразумевали далекий Кыргызстан и, возможно, верховья Иртыша, т. е. места, связанные с именем главного героя эпоса «Манас». Поэтому, считаем предположение М. М. Сагитова о том, что под словосочетанием «страна кыргызов» имелась в виду «страна казахов», не совсем убедительным [7, с. 307].

В свете сказанного уместно напомнить строки из эпоса «Манас», где описывается тризна по Кокетею. К роскошной юрте Манаса валил поток гостей:

Людей из малых и больших,
Кыргызам родственных племен
И людей совсем чужих.
Многоязычный, разный народ... [8, с. 64]

В различных вариантах эти строки повторяются несколько раз. В приведенном отрывке обращает на себя внимание вторая строка: «Кыргызам родственных племен». Кого конкретно имели в виду сказители? Ответ на этот вопрос мы находим во втором варианте перечисления гостей:

Там был Кокчо, казахский хан,
Был Эр-Тоштук – Элеманов сын,
Сын Эштеки – Джамгырчы,
Джедыгера сын – Багиш,
Чал-Джеткира сын – Агыш ... [8, с. 84]

Становится ясно, что под родственными кыргызам племенами подразумевались казахи и эштеки-башкиры. Кстати, среди башкир издавна бытовали предания о роде Ямгырсы, братьях Багыше и Агише [9, с. 111-112, 154]. В связи с этим уместно здесь вспомнить, почему киргизы из беляевской версии эпоса «Кузыйкурпач и Маянхылу», увидев всадника-вестника, во весь опор скачущего к ним, стали кричать: «Иштяк! Иштяк!» (т. е. «Башкурт! Башкурт!») [2, с. 255]. С. А. Алиева и Р. В. Габбасов считают, что «Иштяк» (по-кыргызски – Эштек) является антропонимом или древним названием башкир, [возможно, что одновременно] является родоначальником кыргызского племени *солто*, в состав которого входят роды *ай-туу* и *сарп*, те же, что и у башкир. Все это указывает на общность далеких предков-родоправителей отдельных групп кыргызов, башкир, казахов, каракалпаков, узбеков и других тюркских народов [10]. Здесь и кроется ответ на вопрос, поставленный М. Ауэзовым, который писал: «Тождественно ли это древнее название «естек» башкирскому названию «естеки» или названию северных народов Азии – остяков?» [11, с. 63]. Конечно, здесь имеются в виду башкиры, которых в Средней Азии и Казахстане поныне называют «истяками». Сказанное также говорит о давности межэтнических связей башкир и кыргызов. Поэтому есть основание полагать, что эти народы издавна тесно приобщались к фольклору друг друга.

О культурных взаимосвязях двух народов говорит и то, что представители передовой интеллигенции башкирского народа живо интересовались кыргызским фольклором, в частности, дастаном «Манас». Один из самых активных деятелей-организаторов первой советской республики в лице Башкортостана в составе новой России и видный востоковед Ахметзаки Валиди-Тоган (1890-1970) вспоминал о том, как уже в раннем детстве увлекся изучением дастанов об Идукае, Еренсе-эсэне, сыне Исае Амате, а с 1910 г. и дастана «Манас». Ему хорошо были известны варианты и версии этого дастана по публикации Радлова и записи Абубакира Диваева (1855-1933) [12, с. 13, 133-134]. Последний подарил своему земляку А.-З. Валиди «наиболее полный вариант» дастана «Манас», «записанный арабскими буквами» [12, с. 134]. Другой выходец из Башкортостана Каюм Мифтахов (1882-1949) начиная с 1920 г. и в последующие годы объехал на осле все кыргызские айлы, собирая местный фольклор, особенно записывая варианты и версии известного дастана [13].

Интерес к дастану «Манас» не затухает и поныне. Поэтому неслучайно было участие группы башкирских ученых в 1986 г. в симпозиуме, а в 1995 г. в мероприятиях, в т. ч. научном форуме, посвященных 1000-летию дастана «Манас», проведенных в г. Бишкек под эгидой ЮНЕСКО. А в 2015-2016 гг. сотрудниками Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН был осуществлен перевод эпоса «Манас» на башкирский язык и ждет своего издания.

Надо отметить, что внимание представителей башкирской научной интеллигенции дастан «Манас» привлекает своей созвучностью с башкирскими эпическими памятниками, как по содержанию, так и по идейно-художественным своеобразиям, а также общностью культурных универсалий. Ведь общеизвестно, что независимо от различий в этнической принадлежности носителей эпических произведений, последние имеют ряд сходств разнотипного характера. В этом отношении башкирский народный эпос не представляет собой исключение.

Типологическому сходству героического эпоса народов Сибири посвящена фундаментальная книга Е. Н. Кузьминой [14, с. 63]. Проблема сходства эпического наследия народов на уровне художественных универсалий пока остается не освоенной целиной в науке. В данной работе, не претендующей на охват всех аспектов проблемы и окончательность выводов, впервые принята попытка выявить и описать некоторые особенности в общности и сходствах традиций киргизского народного эпоса «Манас» и башкирского эпоса вообще в контексте художественных универсалий.

Мотив «предсказания о рождении богатыря»

К художественным универсалиям можно отнести и мотив предварительного узнавания о рождении будущего богатыря, отраженный в эпосах киргизов и башкир. Например, в эпосе «Манас» о рождении своего сына Жакып узнает из уст Акбалты, который специально отправился в путь, чтобы первым донести ему добрую весть. В эпосе так и говорится:

Акбалта прискакал, заорал:

«Я хорошую весть привез!» [8, с. 31]

В белаяевской версии башкирского эпоса «Кузыйкурпач и Маян-хылуу» у Карабая, который, как и Жакып, долгое время не имел детей ни от одной из трех жен, долгожданный сын рождается в его отсутствие. Как и Жакып, в это время он находится в горах на охоте. Отличает их в этом сюжетном мотиве лишь цель пребывания в горах: Жакып уходит в горы специально, боясь, что при рождении сына, его сердце не выдержит радости и может разорваться:

Долго ждал я этого дня,

Если весть принесет родня,

Что родился сын у меня, –

То разорвется сердце мое [8, с. 24], –

объясняет он свой поступок, покидая дом с роженицей.

Мотив «муж уходит в горы» или «муж удаляется из дома во время рождения долгожданного сына», являющийся традиционным мотивом для многих богатырских сказок, а также героического эпоса, представляет собой общий художественный элемент и для сюжетов алтайского и тувинского эпосов. В опубликованных вариантах причина отсутствия объясняется необходимостью охоты за дичью или зверем. Возможно, это лишь предположение более поздних сказителей, а в старину отсутствие будущего отца дома во время рождения долгожданного сына вполне могло объясняться по-иному. Но это другой вопрос, который ждет своего исследователя.

Вернемся к белаяевской версии эпоса «Кузыйкурпач и Маянхылуу», где мотив «Карабай получает известие о рождении сына» изображается своеобразно [2, с. 255]. Весть, как и в «Манасе», приносит специально отправленный из кочевья (отана) вестник-всадник. Карабай, гостивший в кибитке своего киргизского друга Сарыбая, услышал издаваемые киргизами крики «Иштяк! Иштяк!» (т. е. «Башкурт! Башкурт!») на встречу скачущему во весь опор человеку. Как скоро незнакомый приблизился к ним на расстоянии пущенной из лука стрелы, так Карабай узнает в нем своего пастуха Карахана. «Что за вести?» – громко закричал он. «Суенче! – ответил пастух. – Младшая из жен твоих, Алтыша, родила тебе сына благополучно!» [2, с. 255].

Однако есть одно «но». В эпосе «Манас» мотив «рождение сына в отсутствие отца» или же мотив «вестник приносит добрую весть покинувшему дом богатырю о рождении его долгожданного сына» как бы дублируется. Дело в том, что, когда начались родовые схватки у жены

Чийырды, отправляющийся в горы Жакып встречает там косяк кобылиц жеребца Джорггобоза и видит саврасую кобылу, которая:

То ложится, то встает
Жеребиться пришла пора... [18, с. 25]

Внутренняя закономерность, идейно-художественная установка и закон типологии, казалось бы, требуют ограничения на этом. Тогда бы упомянутый мотив воспринимался как предзнаменование начала родов Чийырды. Однако жомокчу-сказитель (Сагымбай Орозбак улу) идет дальше. Якобы «саврасой кобыле Жакып жеребенка родить помогал» [8, с. 31]. Цель сказителя ясна: он хотел подчеркнуть доброту Жакыпа. Безусловно, благородная цель. Но тем самым, помимо своей воли, он снижает значимость роли Акбалты, предоставив ему лишь роль глашатая-дублера, а значит, мотиву «батыр узнает о рождении долгожданного сына от вестника» отводится роль мотива-дублера. Недопустимость подобного повтора учитывается в повести «Башкирская повесть». О том, что в скором будущем станет отцом, Карабай узнает из предсказания незнакомого аксакала, который сообщил ему: «Карабай! Усердное твоё моление ходатайством Магомета, покровителя нашего закона, достигло Всевышнего. Я прислан от пророка, возвестить тебя, что родится тебе сын от жены твоей Алтыши» [2, с. 250]. Внешний вид, одежда, поведение и поступок белобородого старца, сообщивший добрую весть именно от имени пророка Мухамета, наводят на мысль, что этим добрым вестником оказался святой старец Хызыр [19, с. 64-69]. Не зря Карабай «почел сие (сообщение – А. С.) небесным предзнаменованием и радостно ожидал счастливого тому события. Вскоре потом младшая из жен его сделалась беременной» [2, с. 251]. В других версиях эпоса «Кузыйкупяч и Маян-хылу» предзнаменованием о рождении долгожданного сына является поведение животного – оленя. Так, в Кунашакской версии Кусмьяс-хан своему другу Кусяр-хану с удивлением сообщает: «Встретилась мне олениха. Взял я свой лук, собираясь в нее выстрелить, а она распрямилась и встала передо мной в полный рост, аж молоко из вымени потекло» [7, с. 248]. Подобному случаю, оказывается, был свидетелем Кусяр-хан. И они предполагают, что их жены родят им по ребенку.

Этот прогноз подтверждается еще одной приметой: ближе к родам Минхылу сильно захотелось отведать мясо тарпана (дикой лошади) [16, с. 402]. Подобное предзнаменование переживает и Чийырда. Когда она уже носила в своей утробе трехмесячный плод, захотелось ей отведать тигриное сердце. А когда наступил срок, родовые схватки у обеих героинь протекали одинаково в тяжелых муках. Если Минхылу родила в короткий срок, и муж сам принял сына [16, с. 403], то у Чийырды роды продолжались восемь дней:

У соседок, тянувших дитя,
Онемели руки тогда [8, с. 26].

Мальчик рождается, как и будущий владыка мира Чингисхан, со сгустком крови в зажатых ладонях.

О намеке на значительность и величавость героя в будущем всесильного батыра говорит момент появления на свет Урал-батыра из одноименного башкирского эпоса:

Когда ... донесся его крик,
В небе летавшие дивы
Попадали на землю все. [17, с. 308]

Есть и такие варианты и версии данного эпоса, в которых предзнаменованием о рождении долгожданного ребенка, как и в эпосе «Манас», является вещий сон героя.

Так, в эпосе «Манас» о скором рождении сына у престарелого Жакыпа говорит вещий сон, увиденный его женой Чийырды: «Снился ей странный сон. Откуда ни возьмись, перед ней предстал белобородый старец и изрек: «Мольба твоя дошла до Всевышнего, велено тебе не плакать». С этими словами он протянул ей белое яблоко слаще меда. Съела яблоко Чийырды – разрешилась драконом длиной шестьдесят саженьей, села на него и поехала, как на лошади. А старец сказал еще: «Вот тебе красное яблоко, – это будет дочка», – и вдруг исчез, так же внезапно, как явился. Вот какой приснился сон!»

Из эпоса известно, что подобный вещий сон увидел и ее муж, которому приснилось, что поймал он «дикинного золотокрылого белого сокола с булатными шпорами, с белыми сверкающими перьями, с клетотом, не похожим на обыкновенный клетот ловчей птицы, к ноге которого он привязал» [15, с. 106-107] ... «из тончайшего шелка тесьму» [8, с. 16].

Мотив «вещего сна» также наблюдается и в башкирской версии общетюркского дастана «Сура батыр», вещий сон Минхылу, жены Нарыс-бия-беглеца, толкующий о том как между ее ног вспыхнуло пламя, которого ничем не могли потушить, и оно поднялось до неба, и само погасло. Она сама верно истолковала сон в пользу рождения сына-богатыря.

Мотивы «роженица желает отведать мясо или сердце диких животных», «вещий сон», «святой старец сообщает добрую весть, что бездетные приобретут сына», «тяжелые роды» фокусируются в одной точке, чем и оправдываются в художественном плане повторы мотивов в разной форме и разного содержания, в том числе мотив дублирования доброй вести о рождении долгожданного сына героя эпоса.

Мотив «героическое детство»

Герои эпических сказаний тюркских народов обычно свои богатырские качества проявляют, будучи еще ребенком, согласно принципам художественных универсалий. Сказанное в полной мере относится и к башкирскому народному эпосу. Так, дивы и джины от одного лишь взгляда новорожденного Урал-батыра падают без чувств:

Когда они хотели его схватить,
Ребенок на них в упор посмотрел –
От страха у дивов всех
Сердца разорвались [17, с. 309].

А его сын Нугуш, рожденный от Гулистан – дочери Алгыр-батыра, еще в детстве одолевает Заркума, сына владыки змей Кахкахи и дивов, его помощников. Другой сын Идель, рожденный от Хумая, будучи тоже ребенком, голыми руками оглушил чудовище дива [17, с. 347-349]. А Кусяк-бий, герой кипчакской версии одноименного башкирского эпоса, не успев еще родиться, уже наводит ужас своей силой и мощью своему отчиму Каракулумбату, убийце своего отца Бабсак-бия [7, с. 483-487]. Таким же не по годам сильным растет Кузыйкурпач, который «хоть и был ... мал годами, но в единоборстве не уступал никому» [2, с. 248].

На подобное явление художественных универсалий обратил внимание и В. М. Жирмунский в своей работе «Введение в изучение эпоса «Манас». В качестве примера он привел Алпамышу из узбекской версии одноименного общетюркского эпоса, который совершает свой первый богатырский подвиг в возрасте семи лет, а также героев дастанов «Кундуз и Юлдуз» (десятилетнего Нурали, внука Гороглы), казахского эпоса «Урак и Мамай» (сыновей Урака Карастая и Казы) и Манаса (по варианту С. Оразбакова) [20, с. 101].

Образ Манаса по принципам художественных универсалий вообще схож с героями ряда башкирских сказаний. В частности, сходство можно обнаружить и в действиях, где участвует он еще ребенком. Когда повитухи начали пеленать только что родившегося Манаса, «этот крохотный мальчуган... выдернул руку свою, как мужчина могучих лет», был тяжелым, «словно отрок пятнадцати лет», Каныкай, которая дала ему грудь «чуть от боли не умерла» [14, с. 27]. Все эти примеры говорят в пользу того, что сын Жакыпа станет богатырем. И действительно, однажды, когда Манас сидел со своими близкими без огня, чтобы сварить мясо, чал, у которого он просил огонь, отказал ему в просьбе. Тогда:

Ребенка девяти лет
Охватил сильный гнев,
[Старика] за пояс он ухватил.
С коня стащил, и на землю бросил [21, с. 281].

К числу рано созревших юных батыров относится и другой персонаж из эпоса «Манас», а именно сын Кокбюро-Кюльнар Койонаалы. Будучи мальчиком, услышав о смерти Манаса, своего нареченного отца, при взрослых произносит слова, которые, казалось бы, могут быть присущи только взрослым, и то не всем, а лишь избранным, имеющим богатырские качества:

На поминки [Манаса] я приглашу
Самых славных богатырей.
Мне Манас – нареченный отец.
Я врагов уничтожу вконец,
Завидовавшим внушу я страх,
Беков, ханов повергнув в прах,

Я как вихрь на врага налечу,
Я убью Конурбая Калчу! [8, с. 277]

И Койонаалы сдержал свое слово. Сорок ишанов, которые отказались отпевать – совершить джыназу по Манасу, «задрали носы», раздулись как бурдюки, говоря Аджибею, посланнику Ханыкая: «Богохульник – твой друг Манас!», были вынуждены отказаться от своего решения, их хлестанные белой камчой. Пришлось подчиниться воле мальчика-богатыря и великанше Сайкал, быстро забывшей обещание, данное самому Манасу, что она обязательно примет участие на его похоронах и тризне.

Согласно универсалиям эпического слова, герои эпоса, подобные Койонаалам, в зрелом возрасте обязательно становятся настоящими батырами и совершают героические подвиги, доказательством чему является сам Манас.

Мотив «мать скрывает личность дорогого героя человека, невесты либо отца»

С мотивами предсказания, сообщения вести о рождении сына в башкирских эпосах почти напрямую связан мотив «мать скрывает личность дорогого героя человека, невесты либо отца». В эпосе «Кузыйкурпач и Маянхылу» мать скрывает от сына, что у него есть нареченное, а в эпосе «Кусякбий» – имя настоящего отца.

Исследователи башкирского эпоса на вопрос «почему «мать скрывает имя дорогого героя человека?» до сих пор не обращали серьезного внимания. Однако, ключ к ответу можно найти в эпосе «Манас», в котором этот мотив намного усилен. Перед своей смертью Манас жене Каныкаю наставляет:

Не давай Семетею ты знать,
Кто отец его, кто его мать.
От кого он родился на свет:
На уста наложи ты запрет [8, с. 260].

Почему так говорит герой? Частичный ответ на эти вопросы мы находим в дальнейших словах богатыря:

Но когда подрастет мальчуган
И достигнет двенадцати лет,
Ты священный выбери день
И на сына кольчугу надень, как благодать.
Сообщи, кто отец его, кто мать,
Укажи ему путь на Талас (на родину отца) [8, с. 260].

Двенадцать лет для мальчиков, у мусульман вообще и тюркских народов в частности, считается возрастом зрелости. До принятия ислама этот возраст мог определяться по-другому. Но суть не в этом, а в том, что до вхождения героя в зрелый возраст запрещалось не только облачаться в кольчугу и брать оружие в руки, но и даже иметь собственное имя. Потому что в период существования половозрастных или социальных групп все члены возрастной группы имели одинаковые имена, то есть считались не утвердившими свою личность членами общества. Только победив кого-нибудь и пустив его кровь, мальчик имел право получить собственное имя, что прекрасно изложено в первой песне «Книга отца нашего Коркута». Во время игры сына Дирсе-хана со своими сверстниками в «бабки» (ашык уйыны) к ним нечаянно спустили быка. Сверстники убежали, а сын Дирсе-хана, поборовшись с разъяренным быком, победил его и отсек ему голову. В результате, его отец Коркут нарек его Бугач-ханом, намекая на его победу над бугаем-быком. Более того, обратившись к Дирсе-хану, сказал:

Эй, Дирсе-хан!
Дай сыну сам
Власть и престол – мужествен он.
Дай быстрого, дай скакуна
Ездить верхом – доблестен он.
Дай тьму овец из баранты,
Дай на прокорм – мужествен он.
Дай золотоверхий сыну шатер –
В тени укрываться – мужествен он.

Дай шитый шелком сыну кафтан.

И Дирсе-хан дал власть и престол [22, с. 28-29].

Таким образом, «Манас» дает ключ к выяснению вопроса, почему героям башкирских эпосов запрещено было узнавать дорогих им людей до того, как они научатся владеть оружием, защищать не только себя, но и своих сородичей.

Кусякбий и Кузыйкурпач просто ускоряют события, обжигая курмасом (прожаренным пшеном) ладони своих матерей и выпытывая тайну. Лишь обратившись к универсалиям художественной словесности, частью которой является эпос «Манас», появилась возможность рассматривать этот мотив как один из архаических художественных приемов, связанных с обрядами раскрытия раннего созревания богатыря.

Судьба восточной женщины и образ Каныкай

В недалеком прошлом женщина на Востоке считалась существом низкого происхождения. Такой она описывалась в национальной литературе: сперва изображалась жалкой, униженной и оскорбленной, но к концу произведений она духовно росла и развивалась, представляла как новый герой нового времени. В жизни, конечно, еще продолжала бороться за свое социальное положение в обществе. В то же время народная литература воспевала не только внешнюю, но и духовную красоту восточной женщины.

Еще отец истории великий Геродот, живший в V в. до н. э., с восхищением описал подвиг царицы Томириды, которая решительно требует у персидского царя Кира освобождения из плена своего сына: «Если же не сделаешь этого, клянусь солнцем, владыкой массагетов, я утолю твою жажду крови, хотя ты и ненасытен» [23, с. 15]. Она сдержала свое слово. Образы семи легендарных девушек, на протяжении долгих лет владычествовавших над всеми огузами, увековечены всемирно известным историком Абулгази в его книге «Родословная туркмен». Они напоминают царствовавшую над всеми саками отважную Зарину, сведения о которой оставил другой древнегреческий историк Ктеций, живший в конце V – в начале VI вв. до н. э. Древние эпические памятники тюрков довели до нас имена Бурли-хатун, Барсын-Чачак – отважных владычиц своих родов, племен, народа. Дстойное место в галерее портретов подобных прекрасных женщин-богатырок занимает и Каныкай, верная жена, ближайшая советчица и опора Манаса. По своей идейной и художественной значимости, ее образ по праву занимает ведущее место после образа Манаса. Думается, правы те исследователи, которые ставят ее даже выше главного героя: мудростью и прозорливостью она во многом предопределяет богатырские подвиги своего мужа, хана и главы государства. Каныкай во многом напоминает женские образы башкирских эпосов, как Хумай из «Урал-батыра» и Нэркэс, победившая в единоборстве Яик-батыра, сына Урал-батыра, из эпоса «Акбузат», Зухра из «Алдара и Зухры». Если исходить из принципов художественных универсалий, то можем отметить общность образа Каныкай и с образом Бэндэбики из сказаний о Еренсе-сэсэне, которая по своей мудрости тоже намного превышает своего мужа, слывшего самым мудрым из всех мудрецов.

Заключение

Таким образом, художественные универсалии как часть универсалий культур способствуют сквозному исследованию многих родственных (и не только), в данном случае тюркских, эпических памятников на предмет выявления сходств и общности традиционных мотивов и образов. Проведенное в связи с этим сравнительно-сопоставительное изучение киргизского эпоса «Манас» и башкирского эпоса и выявленные в результате многие сходные моменты являются тому примером. При еще более подробном сопоставительном анализе башкирского эпоса с кыргызским (возможно, привлечение также казахского, узбекского, татарского эпоса или дастана), можно было бы сделать еще более интересные наблюдения. Необходимо продолжить научно-исследовательскую работу, начатую Н. Т. Зариповым в его статье, посвященной 1000-летию «Манаса». Интерес, в частности, представляет сопоставление этого кыргызского эпоса с башкирской версией эпоса «Идукяй и Мурадым» [24]. А это говорит о продуктивности подобных исследований.

Литература

1. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – Москва: Наука, 1974. – 573 с.
2. Башкирия в русской литературе / сост., предисл., биографическ. спр., коммен. и библиогр. М. Г. Рахимкулова. – Уфа: Башкнигоиздат, 1989. – 510 с.
3. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии // Манас – героический эпос киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1968.
4. Гафури М. Сочинения. В 6 томах. – Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1953. – Т. 2. – 324 с. (на башкирск. яз.).
5. Киреев А. Н. Башкирский народный эпос. – Уфа: Башкнигоиздат, 1961. – 388 с. (на башкирск. яз.).
6. Сикалиев (Шейхалиев) А. И. Ногайский героический эпос. – Черкесск: КЧИГИ, 1994. – 328 с.
7. Башкирское народное творчество / сост. М. М. Сагитов; предисл. Н. Т. Зарипов, М. М. Сагитов; коммент. Н. Т. Зарипова, М. М. Сагитова, А. М. Сулейманова; ответ. ред. Н. Т. Зарипов. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987. – Т. 1: Эпос. – 544 с.
8. Манас: Эпизоды из киргизского эпоса. – Москва: Гос. изд-во худ. лит., 1960. – 310 с.
9. Кафедра башкирской литературы и культуры Башкирского госуниверситета, фольклорный фонд.
10. Алиева С. А., Габбасов Р. В. Кыргызо-башкирские исторические и современные связи. Статья [Рукопись].
11. Ауэзов М. Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 15-84.
12. Валиди-Тоган А.-З. Воспоминания: Борьба народов Туркестана других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. – Уфа: Китап, 1996. – 656 с. (на башкирск. яз.).
13. Мифтахов Каюм // Манас: Энциклопедия. – Бишкек, 1995. – Т. 1. – С. 108-109. (на кыргызск. яз.).
14. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.
15. Манас: Краткий прозаический пересказ // Великий кыргызский эпос «Манас». – Бишкек, 1999. – Кн. 1: Манас. – С. 105-154.
16. Башкирское народное творчество / выявление текстов. сост. А. М. Сулейманова, Г. Б. Хусаинова и М. Х. Надергулова и др. – Уфа: Китап, 2004. – Т. 7: Эпос. – 624 с. (на башкирск. яз.).
17. Башкирский народный эпос / сост. А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитов, А. И. Харисов и др. – Москва: Наука, 1977. – 320 с.
18. Манас / по варианту Сагымбая Орозбак-уулу. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979. – Эпос. I кн. – 240 с. (на кыргызск. яз.).
19. Хуббитдинова Н. А. Реликвия «курачи». – Уфа: Лингвоцентр, 2005. – 108 с.
20. Жирмунский В. М. Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 88-196.
21. Манас: Киргизский героический эпос / сост. Б. М. Юнусалиев, С. М. Мусаев, К. К. Кырбашев и др. – Москва: Наука, 1984. – Кн. 1. – 543 с.
22. Книга отца нашего Коркута. – Баку: Языучы, 1989. – 220 с.
23. Кор-оглы Х. Г. Узбекская литература. – Москва: Высш. школа, 1976. – 301 с.
24. Зарипов Н. Т. Великий зов «Манаса» // Башкортостан. – 1995. – 7 сент. (на башкирск. яз.).

References

1. Kuzeev R. G. Proishozhdenie bashkirskogo naroda: jetnicheskij sostav, istorija rasselenija. – M.: Nauka, 1974. – 573 s.
2. Bashkirija v russkoj literature / sost., predisl., biografichesk. spr., kommen. i bibliogr. M. G. Rahimkulova. – Ufa: Bashknigoizdat, 1989. – 510 s.
3. Valihanov Ch. Ch. Ocherki Dzhungarii // Manas – geroicheskij jepos kirgizskogo naroda. – Frunze: Izd-vo AN Kirg. SSR, 1968.
4. Gafuri M. Sochinenija. V 6 tomah. – Ufa: Bashkirsk. kn. izd-vo, 1953. – T. 2. – 324 s. (na bashkirsk. jaz.).
5. Kireev A. N. Bashkirskij narodnyj jepos. – Ufa: Bashknigoizdat, 1961. – 388 s. (na bashkirsk. jaz.).

6. Sikaliyev (Shejhaliev) A. I. Nogajskij geroicheskiy jepos. – Cherkessk: KChIGI, 1994. – 328 s.
7. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo / sost. M. M. Sagitov; predisl. N. T. Zaripov, M. M. Sagitov; komment. N. T. Zaripova, M. M. Sagitova, A. M. Sulejmanova; otvet. red. N. T. Zaripov. – Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1987. – T. 1: Jepos. – 544 s.
8. Manas: Jepizody iz kirgizskogo jeposa. – M.: Gos. izd-vo hud. lit., 1960. – 310 s.
9. Kafedra bashkirskoj literatury i kul'tury Bashkirskogo gosuniversiteta, fol'klornyj fond.
10. Alieva S. A., Gabbasov R. V. Kyrgyzo-bashkirskie istoricheskie i sovremennye svjazi. Stat'ja [Rukopis'].
11. Aujezov M. Kirgizskaja narodnaja geroicheskaja pojema “Ma-nas” // Kirgizskij geroicheskiy jepos “Manas”. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – S. 15-84.
12. Validi-Togan A.-Z. Vospominanija: Bor'ba narodov Turkestana drugih vostochnyh musul'man-tjurkov za nacional'noe bytie i sohranenie kul'tury. – Ufa: Kitap, 1996. – 656 s. (na bashkirsk. jaz.).
13. Miftahov Kajum // Manas: Jenciklopedija. – Bishkek, 1995. – T. 1. – S. 108-109. (na kyrgyzsk. jaz.).
14. Kuz'mina E. N. Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo jeposa narodov Sibiri. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2005. – 1383 s.
15. Manas: Kratkij prozaicheskij pereskaz // Velikij kyrgyzskij jepos “Manas”. – Bishkek, 1999. – Kn. 1: Manas. – S. 105-154.
16. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo / Vyjavlenie tekstov. sost. A. M. Sulejmanova, G. B. Husainova i M. H. Nadergulova i dr. – Ufa: Kitap, 2004. – T. 7: Jepos. – 624 s. (na bashkirsk. jaz.).
17. Bashkirskij narodnyj jepos / Sost. A. S. Mirbadaleva, M. M. Sagitov, A. I. Harisov i dr. – M.: Nauka, 1977. – 320 s.
18. Manas / Po variantu Sagymbaja Orozbek-uulu. – Frunze: Kyrgyzstan, 1979. – Jepos. I kn. – 240 s. (na kyrgyzsk. jaz.).
19. Hubbitdinova N. A. Relikvija “kurachi”. – Ufa: Lingvocentr, 2005. – 108 s.
20. Zhirmunskij V. M. Vvedenie v izuchenie jeposa “Manas” // Kirgizskij geroicheskiy jepos “Manas”. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – S. 88-196.
21. Manas: Kirgizskij geroicheskiy jepos / Sost. B. M. Junusapiev, S. M. Musaev, K. K. Kyrbashev i dr. – M.: Nauka, 1984. – Kn. 1. – 543 s.
22. Kniga otca nashego Korkuta. – Baku: Jazyuchy, 1989. – 220 c.
23. Kor-ogly H. G. Uzbekskaia literatura. – M.: Vyssh. shkola, 1976. – 301 s.
24. Zaripov N. T. Velikij zov “Manasa” // Bashkortostan. – 1995. – 7 sent. (na bashkirsk. jaz.).

